

его место в процессе этногенеза славян // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. Т. 1. S. 246.

² См.: Левашова В. П. Височные кольца // Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43.

С. 7.

³ Повесть временных лет Ч. I. М.; Л., 1950. С. 207.

⁴ Там же.

⁵ См.: Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 139—140.

⁶ См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

⁷ См.: Шафарик П. И. Славянские древности. М., 1848. Т. 2. Кн. 3. Приложение XIX. С. 70.

⁸ См.: Загорульский Э. М. // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. 1991. № 2. С. 16.

⁹ См.: Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ См.: Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 276—277.

¹² Сердонин С. М. Историческая география. Пг., 1916. С. 141.

¹³ См.: Шахматов А. А. // Журнал министерства народного просвещения. 1899. № 4; Егуже. Введение в курс русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916.

¹⁴ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 234.

¹⁵ Там же. С. 222.

¹⁶ Там же. С. 233.

¹⁷ См.: Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии. Мн., 1977; С. 74; Шмидт Е. А. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1963. Вып. 5. С. 85.

¹⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. 1937. Ч. 1. С. 100.

¹⁹ Сердонин С. М. Указ. соч. 152, 134.

²⁰ См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 108.

²¹ См.: Хабургаев Г. А. Этнонимика «Повести временных лет». М., 1979. С. 196—197; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 106.

И. Л. КАЧАЛОВ

ТЕОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСТВА

Идеологией российского самодержавия с начала 30-х и до середины 50-х гг. XIX в. являлась так называемая «теория официальной народности». Это была относительно цельная система взглядов, идей, представлений, призванных обосновать незыблемость существовавшего государственного и общественного строя. Сущность ее заключалась в трех неразрывно связанных понятиях: православие, самодержавие, народность. Традиционно автором теории официальной народности считают С. С. Уварова, а ее сторонниками и пропагандистами — историков М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова, литературоведов С. П. Шевырева и О. И. Сенковского, журналистов Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина, писателей Н. В. Кукольника и М. Н. Загоскина. Сюда же, с некоторыми оговорками, относят В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Объединение в одном лагере людей разного уровня интеллекта, образования и общественной активности ставит перед исследователями официальной народности проблему определения ее подлинных теоретиков, т. е. тех лиц, чьи идеи были положены в основу создания и развития этой теории.

Наиболее активными и деятельными приверженцами уваровской триады были Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский, М. П. Погодин и С. П. Шевырев. Именно на их работы чаще всего ссылаются при характеристике идейного содержания теории официальной народности. При этом, как правило, не обращается внимание на взаимоотношения между Погодиным и Шевыревым, с одной стороны, и Гречем, Булгариным и Сенковским — с другой. А отношения эти были совершенно не похожи на отношения союзников и, тем более, единомышленников.

Еще в апреле 1822 г., ознакомившись с только что вышедшей из печати работой Н. И. Греча о русской литературе, М. П. Погодин записывает в дневнике: «Такая неосновательность, бестолочь, сумасбродство, какого можно ожидать только от неумного человека»¹. Согласимся, что это не очень лестный отзыв о будущем «соавторе». Издавая в 1827—1830 гг. «Москов-

ский вестник», М. П. Погодин и С. П. Шевырев столкнулись с редакторами «Северной пчелы». «С петербургскими издателями открылась у нас жесточайшая война», — вспоминал М. П. Погодин. Причиной тому был «громоздкий разбор» С. П. Шевыревым «нравственно-описательных сочинений» Ф. В. Булгарина, напечатанный в первом номере журнала за 1828 г. В 1835 г., приняв активное участие в издании В. П. Андросовым «Московского наблюдателя», С. П. Шевырев «сильно вооружился против Сенковского и нашел себе нового врага»². Наконец, с 1841 г. М. П. Погодин и С. П. Шевырев начали издавать журнал «Москвитянин», который, по их замыслу, должен был противостоять «торговому направлению» и журнальному триумvirату Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча и О. И. Сенковского.

Таким образом, разногласия носили явно принципиальный характер, и потому можно с полной уверенностью утверждать, что М. П. Погодин и С. П. Шевырев вместе с Н. И. Гречем, Ф. В. Булгариным и О. И. Сенковским не могли создать и развивать общую для них теорию. Чьи же взгляды тогда следует считать собственно теорией официальной народности? Главным критерием здесь может служить, на наш взгляд, отношение к указанным лицам С. С. Уварова. Автору формулы «православие, самодержавие, народность», на протяжении многих лет проводившему свою идеологическую программу в жизнь, нужны были верные помощники. А ими могли стать только те, кто разделял его взгляды, или, по крайней мере, точно выполнял его указания.

Ни Н. И. Греч, ни Ф. В. Булгарин, ни О. И. Сенковский какой-либо симпатии у министра народного просвещения не вызывали. Об этом, в частности, свидетельствует запись А. В. Никитенко в дневнике за 8 августа 1835 г., в которой он воспроизводит монолог С. С. Уварова, где тот высказывается по поводу своей программы. Там, в частности, есть следующие слова: «Я знаю, чего хотят наши либералы, наши журналисты и их клеветы: Греч, Полевой, Сенковский. Но им не удастся бросить своих семян на ниву, на которой я сею и которой я состою стражем — нет не удастся»³. Это довольно категоричное заявление говорит о том, что С. С. Уваров не считал ни Н. И. Греча, ни О. И. Сенковского союзниками в своем деле.

То, что М. П. Погодин и С. П. Шевырев пользовались особым расположением С. С. Уварова — факт хорошо известный. Рассмотрим научную и литературно-издательскую деятельность М. П. Погодина и С. П. Шевырева в непосредственной связи с формированием ключевых идей теории официальной народности.

Знакомство С. С. Уварова с работами М. П. Погодина произошло, по-видимому, еще в середине 20-х гг. Так, биограф Погодина Н. П. Барсуков приводит переписку М. П. Погодина с П. И. Кешпеном, датированную октябрём — декабрём 1826 г. Последний в одном из писем просит М. П. Погодина прислать свои сочинения для С. С. Уварова, а в следующем письме сообщает: «Сочинения ваши и переводы я представил С. С. Уварову, который принял их очень благосклонно»⁴.

Важным событием в судьбе М. П. Погодина и С. П. Шевырева стал приезд в Москву осенью 1832 г. С. С. Уварова, который, только что став товарищем министра народного просвещения, прибыл для ревизии университета. Посещая лекции профессоров и преподавателей, он присутствовал и на лекции М. П. Погодина по русской истории, которой остался очень доволен. Об этом свидетельствуют как дневниковая запись М. П. Погодина, так и сам С. С. Уваров, назвавший в своем отчете адъюнкта М. П. Погодина в числе преподавателей, стоящих «на степени желаемого образования по своей науке» и владеющих «способностью передавать свои познания»⁵.

Узнав, что на лекции Погодина присутствовал С. П. Шевырев, только что вернувшийся из-за границы, Уваров «выразил желание», чтобы тот был ему представлен. (По всей вероятности, С. С. Уваров уже был знаком с работами С. П. Шевырева, и они привлекли его внимание). Желание товарища министра исполнил М. П. Погодин, отметивший в своем дневнике, что «это представление было для Шевырева весьма благоприятно». С. С. Уваров предложил С. П. Шевыреву стать адъюнктом по кафедре русской словесности⁶. С этого времени начинается покровительство Уварова М. П. Погодину и С. П. Шевыреву, продолжавшееся до самой смерти С. С. Уварова. Это покровительство нельзя объяснить иначе, как желанием С. С. Уварова привлечь М. П. Погодина и С. П. Шевырева к совместной деятельности.

Как известно, впервые свою программу, лозунгом которой стали православию, самодержавию, народности, С. С. Уваров изложил в отчетном до-

кладе, представленном Николаю I после ревизии Московского университета. Суть ее сводилась к следующему. «Дух и расположение умов молодых людей ожидают только обдуманного направления». Поэтому необходимо лишь удержать равновесие «между понятиями, заманчивыми для умов незрелых и... теми твердыми началами, на коих основано не только настоящее, но и будущее благосостояние отечества». Для достижения этого надо «постепенно завладевши умами юношества... привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны к разрешению одной из труднейших задач времени, — образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и с теплою верой в истинно-русские хранительные начала православия, самодержавия и народности...» С. С. Уваров считал, что молодым людям нужно доказать необходимость «быть русским по духу прежде, нежели стараться быть европейцем по образованию»⁷.

Идеи, высказанные С. С. Уваровым в своем отчете, во многом созвучны с лекцией М. П. Погодина, на которой он присутствовал, будучи в Москве. В этой лекции (она называлась «Взгляд на русскую историю»)⁸ М. П. Погодин обосновывал мысль о том, что «вся история наша до малейших общих подробностей представляет совершенно иное зрелище», чем история западноевропейских государств. Особый исторический путь России был предопределен, по мнению М. П. Погодина, еще в самом начале образования русского государства, когда на Русь пришли «добровольно избранные» варяги и принята христианская вера от Византии. Отсюда самодержавная власть и православная вера становятся «истинно-русскими началами». Слово «народность» М. П. Погодин не употребляет, но о том, что этим словом обозначали, он говорит, и особенно применительно к новейшему времени. Исходя из различия исторических судеб России и Западной Европы, М. П. Погодин противопоставляет требованию тех или иных нововведений в России тезис о том, «что всякое постановление должно непременно иметь свое семя и свой корень, и что пересаживать чужие растения, как бы они ни были пышны и блистательны, не всегда бывает возможно или полезно». Это и есть не что иное, как призыв к соблюдению принципа народности в тогдашнем понимании значения этого слова⁹.

Из сходства содержания программы С. С. Уварова и лекции М. П. Погодина, конечно, не следует делать вывод о прямом заимствовании С. С. Уваровым идей М. П. Погодина. Более вероятной представляется такая логика событий. Взгляды М. П. Погодина и С. П. Шевырева отражали одно из направлений русской общественной мысли. Это направление не шло в разрез с интересами самодержавия и имело достаточно много сторонников, в чем С. С. Уваров еще раз убедился, побывав в Московском университете. К тому же оно возникло вне государственных структур и не было связано с официальной властью. С. С. Уваров, как опытный государственный деятель и человек, несомненно, умный, прекрасно понимал, что в обществе гораздо легче распространяются идеи, зародившиеся в нем самом, чем навязанные сверху. Решив выступить со своей программой уже от лица правительства, он подкрепляет действительно исконные принципы православия и самодержавия именем народности — понятием новым и сильно занимавшим умы молодого поколения. Тем самым получалось, что власть не навязывает свои взгляды, а, напротив, выступает как бы гарантом того направления в развитии России, какого желает общественное мнение. М. П. Погодина и С. П. Шевырева С. С. Уваров мог рассматривать как главных идеологов такой политики. Дальнейшая их деятельность подтверждает наш вывод.

С 1834 г. начал выходить «Журнал министерства народного просвещения» («ЖМНП»), основанный по инициативе С. С. Уварова. Журнал был официальным изданием, не подлежал цензуре, и контроль за его содержанием осуществлял сам С. С. Уваров. Исходя из этого, «ЖМНП» можно рассматривать как орган пропаганды теории официальной народности. М. П. Погодин и С. П. Шевырев приняли активное участие в издании министерского журнала. Они печатали там свои статьи, лекции, путевые заметки, письма. Так, самый первый номер журнала вышел с лекцией М. П. Погодина «О всеобщей истории», где получила развитие идея о несхожести исторического пути России и Западной Европы. С. П. Шевырев «за деятельное участие и труды» в издании «ЖМНП» дважды, в 1835 и 1836 гг., получал благодарность от министра народного просвещения¹⁰. Характерно, что в «ЖМНП» ни разу не печатались работы Н. И. Греча, Ф. В.

Булгарина и О. И. Сенковского. Более того, их деятельность иногда под-вергалась критике на страницах «ЖМНП». Это еще раз доказывает, что Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский не входили в команду С. С. Уварова и их нельзя считать теоретиками официальной народности.

Задумав издание «Москвитянина», М. П. Погодин и С. П. Шевырев получили от С. С. Уварова серьезную поддержку. «Вы можете быть уверены в моем содействии более нежели официальном: в моем душевном участии и в моей готовности споспешествовать изданию журнала, соответствующего положению умов и видам правительства», — писал С. С. Уваров М. П. Погодину¹¹. Когда вышел первый номер «Москвитянина», М. П. Погодин попросил С. С. Уварова представить журнал императору. Выполняя эту просьбу, С. С. Уваров «счел долгом» обратить особое внимание Николая I на две статьи: «Петр Великий» и «Взгляд русского на образование Европы». Первая принадлежала М. П. Погодину, вторая — С. П. Шевыреву. Примечательно, что С. С. Уваров обратил внимание императора именно на эти статьи, написанные в духе православия, самодержавия, народности и носившие явно программный характер. О самом же «Москвитянине» он писал: «Желательно, чтобы это новое периодическое издание, продолжая идти стезею благородного направления, могло некоторым образом служить и образцом для русской журналистики, к сожалению, столь мало соответствующей доселе собственной цели и общей пользе»¹². Эти слова С. С. Уварова свидетельствуют о том, что он достаточно высоко оценивал деятельность М. П. Погодина и С. П. Шевырева, возлагал на них большие надежды.

Таким образом, главными теоретиками официальной народности, помимо С. С. Уварова, следует считать М. П. Погодина и С. П. Шевырева. Теория официальной народности возникла, развивалась и пропагандировалась благодаря их научной, литературной и издательской деятельности. М. П. Погодин и С. П. Шевырев выражали взгляды одного из течений общественно-политической мысли России второй четверти XIX в. Именно среди их друзей и единомышленников нужно искать и других сторонников этой теории. Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский, несмотря на активную поддержку существовавшего строя, к созданию и развитию теории официальной народности не имели прямого отношения. Поэтому их взгляды никак нельзя отождествлять непосредственно с теорией официальной народности.

¹ РО ГВЛ. Ф. 231/1, к. 30, д. 1, л. 179; См. также: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 152—153.

² Погодин М. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869. С. 15, 21.

³ Никитенко А. В. Записки и дневник (1804—1877). СПб., 1905. Т. 1. С. 267.

⁴ Цит. по: Барсуков Н. Указ. соч. СПб., 1889. Кн. 2. С. 9.

⁵ Там же. СПб., 1891. Кн. 4. С. 78—79.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. С. 511.

⁸ См.: Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 1 и далее.

⁹ См.: Качалов И. Л. // Весн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1991. № 3. С. 15.

¹⁰ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. СПб., 1855. Ч. 2. С. 613.

¹¹ Русский архив. 1871. Т. 2. С. 2081.

¹² РО ГВЛ. Ф. 213/2, к. 34, д. 4, л. 4—5; См. также: Барсуков Н. Указ. соч. СПб., 1892. Кн. 6. С. 22—23.

Л. М. ШНЕЕРСОН

СИТУАЦИЯ В ЮЖНОЙ ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ 1870—1871 ГГ. В ОЦЕНКЕ ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТОВ

С начала 1870 г. обстановка на юге Германии приобретала все более сложный и противоречивый характер в связи с нарастанием реальной угрозы войны между Пруссией и актуализацией на этом фоне проблемы объединения Германии. Активизировалась сепаратистская оппозиция прус-